

Рогач, С.А. Проблема власти в средние века: гендерный аспект / С. А. Рогач // Лістападаўскія сустрэчы-8 [Электронны рэсурс]: зб. арт. па матэрыялах Міжнар. навук. канф. у гонар акадэмікаў М. М. Нікольскага і У. М. Перцава / навук. рэд. В. А. Фядосік, І. А. Еўтухоў. – Мінск : БДУ, 2011. – Рэжым доступу : <http://www.elib.bs.u.by>, абмежаваны. – С. 128-134

С. А. Рогач

ПРОБЛЕМА ВЛАСТИ В СРЕДНИЕ ВЕКА: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Как показывают результаты исследований последних десятилетий, гендерный подход к истории наиболее удачно способствует выявлению глубинных структур порядка властных отношений во всех социальных сферах общества, а также обнаружению изначальной взаимосвязи понятий «пол» и

«власть». Еще в 80-е гг. прошлого века американской исследовательницей Джоан Скотт, на основе анализа различных гендерных концепций, были выделены две основные системы, связывающие понятие «гендер»: *социальные* отношения и *отношения власти* [1, 422]. Несколько иной подход делает Джудит Батлер, обращая внимание на «перформативность гендера», т. е.

на постоянно *меняющуюся* гендерную идентичность. Имеется в виду, что гендер всегда является определенной социокультурной маской, «театральным актом», через игровое повторение и изменение социальных правил обнажающим

иллюзорность гендерной идентичности как якобы «глубокой внутренней субстанции» [1, 164–173].

Другими словами, предлагаемые обществом рамки моделей для характеристики пола всегда относительно неустойчивы, они конструируются и утверждаются в определенном историческом контексте и, что еще более важно, зависят от того, кому именно в обществе принадлежит власть, голосом которой озвучиваются и детерминируются социальные правила господства и подчинения.

При гендерном подходе понятие «власть» расширяется и обнаруживается присутствующей не только, как традиционно принято считать, на высших ступенях иерархического общества, но также и в его самых узких, «неполитических» ячейках (наиболее яркий пример – семья и все связанные с ней процессы, т. е. заключение брака, рождение и воспитание детей, специфические матримониальные отношения, повседневная семейная практика).

Исходя из вышеуказанных критериев, я попытаюсь показать и наличие, и отсутствие у средневековых женщин властных полномочий, что проявлялось в обществе явно или скрыто. Для сужения рамок анализа в качестве основного объекта будут взяты женщины французской знати XI–XV вв. Основные сферы их влияния (а также степень зависимости) будут рассмотрены в следующем ракурсе: политическое место в структуре феодального общества, деятельность в домашнем хозяйстве, (само)репрезентация через письменные тексты.

В первую очередь стоит вспомнить об идеологической базе общества, опираясь на которую

строилась его социальная система. Согласно учению церкви одной из главных властных структур эпохи Средневековья, «богоустановленное» общество разделялось на три сословия (ordres): духовенство, воины-защитники и «трудящиеся» (или буквальный перевод *oratores, bellatores, laboratores* – «молящиеся», «воюющие», «работающие»). То есть изначально получалось, что из первых двух групп – а именно из социально и политически самых *влиятельных* – женщины были исключены. Однако полностью выбросить их из мира земного было невозможно, поэтому в период Средневековья «главные виновницы первого греха» были расставлены по местам другой, исключительно женской, «иерархии»: замужние, вдовы и девственницы. При этом позиция последних, по нравственной модели христианской идеологии, была предпочтительной. Впрочем, как отмечает Жак Ле Гофф, «христианство сделало очень мало для улучшения ее мате-

риального и морального статуса», и напротив, реальное повышение было причиной, а не следствием реабилитации женщин в религиозных образах (через культы Девы Марии и Магдалины) [2, 266–267].

Официальное отстранение женщин от управления государством и от наследования земельных владений (не считая земель, свободных от ленных повинностей) было оформлено еще в самом начале действия Франкского королевства,

основываясь на действии салического права. Однако фактически это не мешало знатым женщинам получать по наследству земли – герцогства, фьефы, уделы (правда, только при условии отсутствия в семье наследника-мужчины), опираясь на так называемые кутюмы (или «обычное право»). Вплоть до конца XIII в. во Франции вообще не существовало письменно зафиксированных общегосударственных правовых норм.

Особое внимание по этому поводу вызывает уникальная историческая и политическая фигура Франции – Алиенора Аквитанская. Помимо организованного ею самой(!) в 1152 г. развода с мужем-королем Людовиком VII, ей также удалось вернуть назад всю ранее переданную в качестве приданого личную собственность(!) – т. е. Аквитанское герцогство.

Другим интересным моментом являлась возможность для женщин того времени ставить печати на официальных документах. По результатам исследования Бриджит Резак, до 1150 г. женские печати во Франции принадлежали только королевам. Первая была поставлена в 1115 г. Бертрадой Монфортской (вдовой короля Филиппа I) [3, 63]. В 1251–1300 гг. количество женщин, имевших печати (причем не только в королевской семье), значительно выросло. Однако, начиная с этого периода, они могли их использовать исключительно в присутствии мужа, отца или сыновей и только в тех делах, которые касались их собственного имущества [3, 65–67].

В XI–XIII вв. в правилах наследования возобладал агнатический принцип, т. е. наследование по отцовской линии. Впрочем, в «Кутюмах Бовези» (составленных в 80-е гг. XIII в. крупнейшим средневековым юристом Филиппом Бомануаром) отражалась и консервация, и двойственность данной позиции женщин-дворянок (§1434–1435, 1451): «...дворянами называют тех, которые по прямой линии происходят от королей, герцогов, графов и рыцарей, и эта знатность идет по прямой отцовской линии... Но по-иному обстоит дело со свободным состоянием, так как это состояние идет от матери...» [4, 223]. Поэтому часто случалось, что если передача наследства по женской линии повышала статус семьи, тогда вариант агнатической линии отбрасывался.

Чуть позднее, в конце XIV – начале XV в., эта тема стала основой разворачивавшихся политических дебатов по поводу ужесточения правил и создания преград реальному наследованию женщинами земель и власти по фамильной линии. В споре в качестве примера говорилось о принятом знатью решения в 1317 г. лишить единственную наследницу французского короля Людовика X – молодую дочь Жанну Наваррскую – права на наследование престола (под натиском двух ближайших ее родственников – дядей Филиппа V и Карла IV, которые в течение года вынуждали ее отказаться от своего места во власти). Или другой схожий случай: лишение тех же прав в

1328 г. Изабеллы Французской (последней наследницы Филиппа IV, а с 1308 г. королевы Англии, матери претендовавшего на французский престол английского короля Эдуарда III). Но самое главное – это то, что в тот момент решения принимались знатно *без* ссылок на салическое право престолонаследия. Однако уже через сто лет королевский прелат и секретарь при Карле V Жан де Монтрей в письменном споре с Кристиной Пизанской в качестве аргументов для объяснения причин лишения упомянутых наследниц их привилегий использовал утверждение о якобы *всегда жестком действии* во Франции салического закона. В его текстах речь шла о том, что этот закон *абсолютно* лишал женщин какой-либо возможности стать преемницей французской короны. Тем не менее в реальности франкский салический закон вовсе не отстранял женщин от монархического правления, а имел отношение только к правилам наследования территории приморской «Салической земли». То есть, несмотря на делавшиеся попытки объяснить и оправдать приоритет мужчин в публичной власти, опираясь на ранее установленные письменные *законы*, при более подробном рассмотрении источников обнаруживается, что таким образом делались сознательные *изменения* и даже преднамеренные *подделки* исторических документов.

Не менее болезненным оказывался вопрос о месте женщины в линияже. Как отмечает в своих исследованиях Робер Фоссье, несмотря на то что вплоть до XIV в. приданое обычно давалось в деньгах

и не касалось фамильной недвижимости, однако проблемы могли возникнуть всегда. Например, это было характерно для случаев с единственной наследницей, которая очень часто могла оказаться за бортом, лишившись своего места на высоких ступенях власти, поскольку чаще всего земли передавали ближайшему (в крайнем случае дальнему) родственнику-мужчине. Еще более спорной оказывалась ситуация, когда наследницей становилась замужняя женщина, а претензии к наследуемому имуществу начинали предъявлять родственники ее мужа. Все это постепенно склоняло фамильный род к мысли о том, что

дочерей лучше всего выдавать замуж по боковой линии. Однако в дальнейшем это все равно приводило к рассеиванию патримониальных связей и к переделу земель между растущим числом наследников-мужчин (либо полным лишением их таких прав) [5, 128–129].

Что касается власти женщин в домашних делах, то в классическую эпоху Средневековья происходило расширение их хозяйственно-экономических функций, повышение реального семейного статуса. По мнению Р. Фоссье, из-за специфики демографической ситуации (в частности, женщин было меньше, чем мужчин), а также из-за особенностей экономических, юридических и социальных факторов XII–XIII вв. вполне заслуживают такого названия, как «матриархатный период». И даже в XIV–XV вв.

полученный ранее моральный авторитет сохранялся. Несмотря на потерю права распоряжаться приданым после заключения брака (а также из-за невозможности его отчуждать по своему усмотрению после смерти мужа), с XIV в. право на пользование *частью* имущества в случае вдовства гарантировалось [6, 174–175].

Впрочем, значительное число других медиевистов оспаривают эту версию: Жорж Дюби, Жак Ле Гофф, Дэвид Херлихи подчеркивают, что в поздний период Средневековья знатные женщины, наоборот, теряли свои ранее существовавшие привилегии, и это отражалось как в понижении их социальной роли, так и в негативной теологической репрезентации [7, 203].

По большей части их имущественно-правовое положение в замужестве определялось соответствующим договором во время заключения брака. Если такового не было, тогда вступление в брак ничего не меняло в имущественных правах каждого из супругов. Система «брачного дара» и приданого обеспечивала женщину собственным имуществом. Она также наделялась специальным правом «распоряжаться ключом», так как ведение домашнего хозяйства осуществлялось из средств и имущества мужа. При временном отсутствии мужа она могла быть опекуной несовершеннолетнего сына и соучастницей всех его сделок и распоряжений. В качестве примеров можно привести несколько случаев. Графиня Клементия, жена Роберта II Фландрского, полностью управляла графством, когда ее муж участвовал в первом крестовом походе. Герцог Гийом Нормандский передал свои властные

полномочия жене Матильде на период своего нахождения в Англии. А позже и его дочь Адель де Блуа проявила настоящее мужество, когда сама заставила супруга, бежавшего из первого крестового похода, вернуться к войскам. Однако в 1101 г. он попал в плен, где и умер через год, после чего Адель управляла графством вплоть до совершеннолетия своих сыновей [8, 82].

Личным имуществом у женщин обычно являлись украшения, платья, утварь, а также некоторая сумма денег, приносимая вдовами в новый брак. Все имущественные операции (покупка, продажа, заклад, дарение, аренда) могли осуществляться супругами только *совместно*. Вдове возвращалось приданое либо она могла требовать возмещения его суммы в случае проделанной кем-либо из родственников незаконной продажи [9, 85]. Помимо всего прочего, длительный и постепенный процесс закрепления церковных правил брака в некоторой степени способствовал улучшению социально-правового статуса женщин, поскольку, по крайней мере, теоретически это препятствовало насильственным бракам.

Тем не менее патриархатность семейной структуры оставалась неизменной, что означало по-прежнему доминирующее положение супруга, его опекунов над женой и детьми, а также над всеми лицами, проживавшими в его доме.

Учитывая высокую значимость *слова* в Средние века и одновременно наличие тогда узкого круга

людей, умевших читать и писать, нужно отметить, что это автоматически повышало их статус в социальной иерархии. К сожалению, большинство текстов того времени принадлежало мужскому перу, и им была характерна так называемая «символическая аннигиляция женщин»: т. е. женские образы либо отсутствовали в них полностью, либо стереотипно представлялись как негативные сексуальные объекты, либо – гораздо реже – как абсолютно невинные, бестелесные и как святые мученицы.

Среди немногих средневековых женщин, принадлежавших к так называемому «текстуальному обществу», нужно обратить особое внимание на Кристину Пизанскую. Она являлась фактически первой профессиональной писательницей Средневековья, *получавшей деньги* за написание трактатов по заказам людей из королевской семьи. Причиной этого были особенности личной жизни самой Кристины: длительное время продолжались судебные тяжбы, касавшиеся унаследованного от ее мужа имущества, и это вынуждало ее самостоятельно искать средства для собственного существования и для содержания детей.

Нужно обратить внимание на несколько уникальных особенностей *стиля письма* Кристины. Во-первых, его несомненно стоит отнести к так называемому '*l'écriture feminine*', отличающихся от классических средневековых (мужских) трактатов частым упоминанием разных реальных историй или легенд о жизни женщин (даже несмотря на то, что за деньги она была вынуждена писать *для мужчин и о мужчинах*) [10, 9]. Во-вторых, ее текстам характерна высокая эмоциональная настроенность, а очень часто –

радикальный протест против обид и несправедливых обвинений со стороны мужского

населения. В-третьих, большое количество ее автобиографических примеров указывает на глубокую психологическую рефлексивность письма.

Посредством литературной атаки Кристина пыталась разрушить многочисленные обвинения в адрес женщин (о якобы чрезмерной «женской болтливости», о «похоти» или «лживости», а также о других приписываемых им негативных качествах) и, более того, направить их на мужчин, которые, как оказывалось, сами не допускали женщин в поле своих действий, в сферу озвучивания и обсуждения различных точек зрения и, что самое главное, во властные структуры.

Таким образом, можно сделать вывод, что традиционный дуализм «публичного» и «приватного», «власти» и «подчинения», исключительно «женского» и «мужского» не подходит для современного изучения истории различных политических и социальных сфер, поскольку при гендерном исследовании обнаруживается амбивалентность и размытость традиционных понятий. Наиболее подходящим выходом был бы, во-первых, отказ от бинарной оппозиции (но не от признания гендерных различий), во-вторых, поиск точек пересечения и взаимодействия участников исторических процессов.

Литература

1. Введение в гендерные исследования. Ч. 2. Хрестоматия / под ред. С. Жеребкина. – Харьков; СПб., 2001.

2. *Ле Гофф, Ж.* Цивилизация средневекового Запада / пер. с фр.; под общ. ред. Ю. Л. Бессмертного; послесл. А. Я. Гуревича / Ж. Ле Гофф. – М., 1992.

3. *Rezak, B. B.* Women, Seals, and Power in Medieval France, 1150-1350 / B. B. Rezak // Women and Power in the Middle Ages / Ed. by M. Erler, M. Kowaleski. – Athens, 1988.

4. *Beaumanoir, Ph. de.* Coutumes de Beauvaisis / Ph. de Beaumanoir. – Т. 2. – Paris, 1899.

5. *Fossier, R.* Histoire Sociale de l'Occident Médiéval / R. Fossier. – Paris, 1970.

6. *Fossier, R.* La Société Médiévale / R. Fossier. – Paris, 1991.

7. *L'Hermite-Leclercq, P.* The Feudal Order / trans. by A. Goldhammer // A History of Women in the West: 5 vols. / gen. ed.: G. Duby, M. Perrot / P. L'Hermite-Leclercq. – Vol. 2. Silence in the Middle Ages / Ed. by Ch. Klapisch-Zuber. Cambridge, 1995.

8. *Verdon, J.* La femme au Moyen Âge / J. Verdon. – Paris, 1999.

9. *Тушина, Г. М.* Демографические аспекты социальной истории Прованса XII–XIV вв. // Женщина, брак, семья до начала нового времени: демографический и социокультурный аспекты / под ред. Ю. Л. Бессмертного / Г. М. Тушина. – М., 1993.

10. *Ferrante, J. M.* To the glory of her sex: women's roles in the composition of medieval text / J. M. Ferrante. – Bloomington, 1997.

